

Александр Горохов

Войти дважды

Часть 4

Александр Горохов

Войти дважды часть 4

«Автор»

2026

Горохов А.

Войти дважды часть 4 / А. Горохов — «Автор», 2026

Продолжение. Павел и Ирина, по заданию КГБ под видом детей немецких специалистов, вывезенных в СССР в конце войны и умерших в России, переехав в ГДР в середине 60-х, узаконив свое пребывание совершают побег в Западный Берлин. Устраиваются на работу, Павел в Сименс, Ирина в клинику. Павел получает высшее образование, становится специалистом электроники. Они встречают советскую разведчицу, дочь их другу, считавшуюся погибшей. Она потеряла память после бомбежки в конце войны. Ирина сумела восстановить ей память. Они тайно возвращаются домой. Получают новое задание занимаются техническим шпионажем компьютерных технологий. Уезжают в США в Кремниевую долину. Начинают там работать,

Александр Горохов

Войти дважды часть 4

Александр Горохов

Войти дважды...

Часть 4

1

Эйфория от того, что удалось перебраться, закончилась через час, когда всю группу посадили в автобус и повезли в приёмный лагерь Мариенфельде. Там расселили по комнатам. Пауль и Ирэн объяснили, что они муж и жена, и получили двухместный номер с кухней, ванной комнатой и санузлом.

И жилье, и все, что с ними происходило потом, мало чем отличалось от гэдэровского, но комнаты были комфортнее, а питание сытнее и разнообразнее.

Кровати, шифоньер, стол, стулья почти не отличались.

Проживание и питание было бесплатным, вернее, оплачивалось правительством ФРГ. На огороженной территории росли деревья, в клумбах благоухали цветы. Стояли удобные скамейки.

Людей в приемном лагере, как и в Барби, оказалось немного. Удивляться не приходилось. Из ГДР выпускали только пенсионеров, которые уже не могли работать и приносить пользу государству, но имели родственников в Западной Германии, а лазейки для беглецов практически полностью перекрыли.

Свеженькие паспорта вызвали вопросы. Они объяснили, что недавно сумели перебраться из СССР. Это вызвало еще большую настороженность.

Началась такая же, как в ГДР, канитель. Только не с одним парнем из Штази, как там, а по очереди со спецами из многочисленных западных разведок. Каждый находился в своем кабинете. Кабинеты отличались только номерами, но ребята быстро понимали, кто откуда. Где американцы, где англичане, где французы и где западногерманские спецслужбисты. Допрашивали, естественно, поодиночке. Поодиночке, это значит отдельно Ирэн, отдельно Пауля. Но допрашивающих было двое, а то и четверо. Дело свое они знали. Постоянно старались вывести перебежчиков из равновесия. Орали, что в прошлый раз говорили другое. Показывали протоколы. Наши знали подобные виды допросов. Делали вид, что переживают, что злятся. Службисты пытались выявить шпионов из Штази, а заодно узнать нюансы жизни, профессиональные тонкости в ГДР. Попросту собирали дармовую информацию об экономике, армии, настроении людей в ГДР. Авось что пригодится.

Пауль и Ирэн знали, что беженцы проходят 12 этапов процедуры собеседований и проверок. Начиная от медицинского осмотра и заканчивая оформлением удостоверений личности. Они эту процедуру отлично изучили и понимали – выпытывать и допрашивать будут долго. Тем более, что насторожились из-за их советского прошлого. Могут захотеть что-то проверить из той жизни. И действительно, процесс затягивался.

Пауль и Ирэн писали длинные анкеты, долго-долго отвечали на вопросы, казалось, не имевшие никакого смысла и логики, - так называемые «беседы». Снова и снова подвергались допросам поодиночке. Технология была такой же, как у Штази: найти отличия в ответах на многократно задаваемые вопросы, запутать, поймать на вранье или неточностях в легенде. Считалось, что если агенты Штази, то обязательно на чем-нибудь да попадутся. Держались «беженцы» правильно. Делали вид, что волнуются, говорили не как заученный стих, а слегка

изменяя рассказ, но так, чтобы суть оставалась. За время подготовки, так сроднились с легендой, что она стала их жизнью. Настоящей. И говорили они только правду. Никакой лжи. Десять дней с ними бились, потом дали передышку. А потом начали сначала. Павел время от времени спрашивал:

— Что, я в самом деле убил того пограничника? Может быть, только ранил?

Переживал, когда заходил разговор об этом случае. На вопрос: «Долго ли целился и куда?» отвечал, что никуда не целился. Просто студента ранили, он бросил свои вещи, понял пистолет и выстрелил.

— И вот, какой ужас, убил человека, — повторял, умоляюще глядел на следователя и спрашивал: — Может быть, все-таки только ранил?

Павел знал, что чуть задел ногу того неизвестного ему парня, знал, что тот живой, но агент убеждал, что пограничник убит. Хотел, чтобы Пауль знал, что его, попади в руки Штази, расстреляют. Наверное, спецы планировали завербовать на этом. А может быть раскусить, не агент ли он советский или гэдээровский. А потому он постоянно твердил, что надо скорее отсюда уезжать, перебираться куда-нибудь в Швецию, и просил сменить им с женой фамилию.

Ирэн и Пауль четко и обстоятельно рассказывали, как в посольстве ГДР в Москве познакомились со студентами из ГДР, как потом узнали, что те планируют перебраться в Западный Берлин. Говорили уверенно. Рассказали про своих ложных родственников, как те организовали «воссоединение семей». Как были в лагере для репатриантов. Говорили, что студенты тоже, хотели перебраться сюда, но боялись за родителей. Рассказывали про свои скитания по детдомам в СССР. Про то, как нелегко было получить хоть какое-то образование там. Как в ГДР получили направление на работу, неплохую квартиру, купили мебель. Говорили, что были счастливы, говорить и слышать постоянно родную немецкую речь, которую после смерти родителей в СССР начали забывать. Что в СССР с его враньем о равноправии должны были прикидываться верящими в это, а в реальной жизни постоянно чувствовали себя людьми второго сорта. Да вдобавок их обзывали «фашистами». Не в прямую, а втихоря, но они-то слышали и было противно. И никогда там не допустили бы к учебе в университете и не дали бы сделать достойную карьеру.

Ирэн сожалела, что пришлось оставить много вещей и одежду. Что скоро зима, а в чем здесь ходить? Что на себя надевать неизвестно, но они слышали, что чего-то им выдадут.

А их подробно расспрашивали, как удалось найти туннель в развалинах, что там было, как началась стрельба. Они честно отвечали, что про него узнали от студентов, друзей их «лже-родственников», а сами ничего про это не знают. И вообще все делалось в спешке, и чудо, что удалось перебраться. Пауль рассказывал, что когда прокладывал связь и устанавливал телефоны, видел, как почти все дома около стены, разделявшей Западный Берлин от Восточного, сносят, хотя дома отличные и в них можно жить. Эти сносят, а люди живут в ужасных условиях. Топят печки углем и всякой гадостью. Люди говорят, что это делают для того, чтобы у пограничников был хороший обзор. Видел, как широкую полосу возле стены вспахивали, чтобы следы беженцев были видны.

Ирэн рассказывала, что однажды к ним в больницу принесли парня, который выпрыгнул из окна дома возле границы и покалечил ноги, потому что там были замаскированы листы с длинными шипами. Парень прыгнул на такой «ковер», проткнул ступни и не мог сам ходить. Его быстро из больницы забрали. Потом ей сказали другие медсестры, что такие шипы называют «ковер Сталина».

Пауль рассказывал, что вдоль границы устанавливают датчики, которые улавливают шум от лопат и кирок под землей, когда роют тоннели.

Говорили откровенно, искренне, и настороженность, которая присутствовала поначалу у тех, кто их допрашивал, постепенно исчезала. А почти через месяц те стали улыбаться, похло-

пывать по плечу. Должно быть, за это время «лжеродственников» наказали – проработали на собраниях. А в СССР, что могли про них проверили и убедились - не врут.

Через полтора месяца выдали паспорта ФРГ с другими фамилиями. За несколько дней до этого спросили, какие имена и фамилии хотели бы получить? Имена они оставили, а фамилию сменили. Решили, что с самой распространенной фамилией будет проще затеряться и сложнее искать. Так в уже очень далекой Москве после одной из бесед посоветовал Константин Дмитриевич.

Их дипломы проверили. Ирэн и Пауль получили дипломы ФРГ уже на новые фамилии.

Предложили работу в нескольких городах ФРГ. Они согласились на Штутгарт столицу земли Баден-Вюртемберг, который становился одним из центров электронной промышленности. Паулю предложили - в Siemens, Ирэн в крупнейшей клинике операционной сестрой.

В последние дни отвели в огромный склад и разрешили подобрать себе одежду, белье и обувь. Они долго примеряли, советовались, что подходит, что нет, меняли, смотрелись в небольшое зеркальце. Выбрали практичную, теплую одежду. В последний день выдали билеты на самолет в Штутгарт и документы для устройства на работу. Объяснили, как по приезду действовать, куда идти вначале, а куда во вторую очередь. Сказали, что хотя и поменяли им фамилии, но весьма возможна встреча со скрытыми агентами Штази и провокации с их стороны. Выдали по 300 марок, намекнув, что это за пограничника, и что обычно выдают по 200 марок.

Пауль сказал, что общаться с перебежчиками из ГДР они с женой не собираются, а чтобы хоть как-то замаскироваться, он начал отпускать бородку, а жена решила покрасить волосы и стать блондинкой.

Сотрудники, услышавшие такой наивный бред, рассмеялись, похлопали Пауля по плечу и пожелали удачи. Один из них сказал, что позвонит своему коллеге в отдел безопасности на Siemens и замолвит слово за Пауля.

На следующий день новоиспеченные граждане ФРГ Пауль Мюллер и Ирэн Мюллер были в местном ведомстве Штутгарта по социальным вопросам. Регистрация прошла быстро. Вручили ордер в переходное жилье или, если называть на советский манер, в семейную общагу.

Это была маленькая комната на втором этаже кирпичного здания с двумя узкими кроватями, шкафом для одежды, столом и двумя стульями. Из крана над фаянсовой раковиной около входа текла только холодная вода. Постельное белье выдал комендант. Он же объяснил, что входную дверь в общежитие закроют в 23:00. И если будут задерживаться где-то, то надо предупреждать дежурного заранее. Туалеты раздельные. Мужской — в одном конце коридора, женский — в противоположном. Общая кухня была в середине этажа. На этаже 15 комнат, потому и электроплит вдоль стены было пятнадцать. На противоположной стороне висело пятнадцать навесных шкафов. Ключ от их шкафа, комендант выдал под роспись. Было на этой кухне еще несколько столов. Холодильника не было. Комендант строго сказал, что хранить в шкафе можно только посуду и сухие продукты. Все, что скоро портится, не держать – протухнет и будет вонь. Дежурство на этаже по очереди. Мытье полов в кухне и коридоре. Но после себя каждый должен убирать. А еще никаких гостей с ночевкой.

— А где можно искупаться? — спросили в один голос Мюллеры.

— В подвале душевые. Горячая вода с 19 до 22 часов.

Они поблагодарили коменданта, зашли в свою комнату, не стовариваясь сказали, что надо как можно скорее отсюда выбираться, и засмеялись.

2

На следующее утро в 7:30 Пауль, выбритый, с небольшой аккуратной бородкой, был на проходной.

Ноябрьское утро оказалось солнечным. Ирина перед выходом перекрестила его, поцеловала, пожелала удачи, подмигнула, прошептала на ухо:

— Без квартиры не возвращайся, не пушу.

Она должна была уйти на час позже, потому не спеша прихорашивалась перед старым зеркалом с полочкой над умывальником.

— И тебе удачи, любимая. Может быть, у тебя с этим получится лучше.

Пауль Мюллер подмигнул ей в зеркало и вышел из 12-метровой комнаты переходного общежития совсем еще незнакомого района Цуффенхаузен.

Дошел до трамвайной остановки, купил за 60 пфеннигов билет в механическом автомате. Почти сразу подошел желтый трамвай. Сел, поехал. Свободные места были. Но садиться не стал. Парни его возраста стояли. Он вел себя так же. Смотрел в окно. Вагон грохотал мимо строящихся и уже построенных домов, огромных корпусов на которых прочитал «Bosch», «Porsche». Удивился - как все рядом.

Через 15 минут Пауль вышел из трамвая у здания регионального представительства Siemens. Он крепко держал в руке кожаный портфель, приобретенный в ГДР за немалую сумму, с уложенными в него паспортом ФРГ, синим дипломом техника связи, официальной справкой с гербовой печатью о прохождении фильтрации и регистрации в берлинском лагере Мариенфельде. Эта справка была не менее важна, чем паспорт и диплом - она была его главным щитом, подтверждающим, что он — законный перебежчик, проверенный спецслужбами Западной Германии, а не шпион Восточного блока.

Современный корпус из стекла и бетона с массивным сине-зеленым логотипом промышленного гиганта впечатлял.

На проходной его остановил пожилой вахтер в чистенькой темно-синей униформе и вопросительно посмотрел.

— Здравствуйте, я на собеседование в технический отдел, вот направление от Биржи труда, — Пауль протянул документ.

Охранник остановил взгляд на строчке «Fernmeldetechniker» и уважительно кивнул.

Еще бы - связисты-электронщики были тут в дефиците.

— Паспорт и справку из Мариенфельде, пожалуйста, — попросил он.

Убедившись, что перед ним Пауль Мюллер, а справка подлинная, вахтер сделал запись в тяжелом журнале, выдал Паулю бумажный пропуск на булавке и объяснил: — Главный корпус, третий этаж, кабинет 312, господин Майер вас ожидает.

Павел через несколько минут оказался в этом кабинете.

За столом сидел господин Майер — ведущий референт по техническому персоналу.

— Присаживайтесь, господин Мюллер. Кофе? — удивил его вопросом кадровик и жестом пригласил Пауля к столу.

Пауль, улыбнувшись, от кофе отказался.

Началась очередная проверка. Как все здесь четкая и глубокая.

Диплом ГДР Майер изучил внимательно. Павел отлично знал, что согласно 10-й статье Закона о делах беженцев, ФРГ признавала восточные дипломы автоматически, а потому с этим вопросов возникнуть не должно было. Но референта Майера интересовал опыт Пауля.

— В ГДР вы успели поработать не так уж и много, верно? — спросил кадровик.

— Да, — спокойно ответил Пауль. — Но я работал на узловой станции связи. Обслуживал координатные реле и коммутаторы. Теорию и схемотехнику знаю досконально.

Чтобы проверить беженца, Майер достал из папки огромный, сложенный в несколько раз чертеж. Это была принципиальная схема новейшей западногерманской полупроводниковой АТС системы EMD от Siemens.

Павел готовился к подобным вопросам, потому знал её отлично.

— Покажите мне, Пауль, как здесь пойдет сигнал вызова и где установлена транзисторная защита от перегрузки реле?

Пауль кивнул и начал отвечать. Специфика ГДР приучила его разбираться в дефицитной технике по схемам. Он уверенно повел пальцем по линиям, четко и на безупречном техническом языке объясняя логику работы транзисторных ключей и коммутационных блоков. Майер удовлетворенно закивал. Пауль действительно имел отличные, свежие знания. А небольшой опыт его не смутил. Больше вопросов Павлу не стал задавать. Профессионал сразу все понял:

— Прекрасно, господин Мюллер. Вы нам подходите, — Майер вытащил стопку бланков. — Заполним документы.

Пауль взял перьевую ручку. Ему предстояло все это заполнить и подписать.

На каждом бланке титульная надпись:

На первом - *Arbeitsvertrag* (Трудовой договор): Его зачислили в штат как технического служащего (*Angestellter*) на должность *Prüffeldtechniker* (техника по испытаниям и пусконаладке). Уже это Павла обрадовало.

Потом было заявление в кассу медицинского страхования (АОК). Павел знал, что Siemens сам регистрировал сотрудников в государственной системе. Анкета для налоговой карты (*Lohnsteuerkarte*): в ней Пауль указал свой только что полученный в ратуше Штутгарта III налоговый класс (*Steuerklasse III*). Как женатому человеку, у которого супруга временно не работает, государство давало ему максимальные налоговые льготы. Это было правдой. Когда Павел заполнял анкету – Ирэн еще не работала.

Когда документы были заполнены и подписаны, речь зашла о деньгах. Майер озвучил тарифную сетку:

— Как молодому, но дипломированному технику связи мы назначаем Вам фиксированный оклад в 1200 западногерманских марок (DM) в месяц.

Павел рассчитывал на меньшее. Это было приятной, очень приятной неожиданностью. После вычета всех налогов и пенсионных взносов у него должно было оставаться около 930 DM. А аренда приличной квартиры составляла около 180 марок. То есть, если не получится с приличным жильем, то можно будет снять. Он это уже узнал.

Перед допуском на производство референт направил Пауля в соседнее крыло к заводскому врачу. Для связиста-электронщика медосмотр был строгим.

Моложавый доктор к проверке отнесся неформально. Проверил легкие, измерил давление, особо строго отнесся к тесту на цветовосприятие по таблицам Рабкина. Паулю предстояло работать со жгутами магистральных кабелей связи, где сотни тончайших проводков были окрашены в разные цвета и полосы. Ошибка могла парализовать связь целого района Штутгарта. Пауль безошибочно назвал все цифры на цветных картинках. Врач проверил руки на тремор — пальцы не дрожали. Штамп «Годен к точным электротехническим работам без ограничений» был получен.

Пауль вернулся в кабинет к референту. Тот окончательно оформил контракт. Павел решил, что теперь пора заговорить о квартире.

— Господин Майер, мы с женой живем в переходном общежитии на 12 метрах. Общая кухня на 40 человек, душ в подвале. Горячая вода не постоянно. Семье очень тяжело. Можно ли как-то ускорить получение социального жилья?

Майер сочувственно улыбнулся и кивнул. Siemens дорожил кадрами и не хотел, чтобы ценный электронщик думал на работе о бытовых проблемах.

— Мы сделаем так, Пауль. Прямо сейчас я выдам вам два документа. Первый — это ходатайство от руководства Siemens в Жилищное управление Штутгарта. Напишу, что Вы — незаменимый специалист, выполняющий оборонные и государственные заказы по телефонизации города, и неустроенный быт временно снижает Вашу производительность. Второй документ — копия вашего сегодняшнего трудового договора с окладом, подтверждающая, что вы платежеспособны. Но мне бы хотелось, чтобы вы уже сегодня, прямо сейчас начали работать.

А после смены вместе с женой идите в городскую ратушу в Ведомство по делам перемещенных лиц. Не возражаете?

Павел кивнул, сказал, что конечно не возражает, что ему самому не терпится начать работу и, поблагодарив инспектора, отправился туда, где предстояло трудиться.

В 14:00 он вошел в производственную лабораторию. Его встретил старший мастер-инженер — подтянутый мужчина средних лет в очках. Паулю выдали белоснежный хлопковый халат с синей вышивкой *Siemens* и заземляющий браслет на запястье.

Лаборатория поразила чистотой, запахом канифоли и спирта, а главное — обилием новеньких измерительных приборов. На верстаке, который стал его рабочим местом, стоял осциллограф последней модели, а в кассетницах ровными рядами лежали самые современные кремниевые транзисторы. Такие в ГДР были огромным дефицитом, а в СССР вообще диковенкой.

— Твоя задача, Пауль, — мастер положил перед ним блок логики городской АТС, — проводить финальное тестирование частот и калибровать реле перед отправкой на центральный узел Штутгарта. Вот схемы DIN. Приступай.

Пауль включил паяльник *Ersa*, настроил осциллограф и взял в руки щуп. Его первый рабочий день на Западе начался.

После смены Павел с женой немедленно отправились в городскую ратушу в Ведомство по делам перемещенных лиц. Молодая пара действовала по четкому и давно продуманному плану: предъявили статус беженцев из ГДР, что давало автоматический приоритет в очереди. Приложили справку от коменданта общежития о критическом перенаселении и невыносимых условиях в маленькой комнате на двоих без удобств. И, наконец, ходатайство от всемогущего концерна *Siemens*.

Чиновник в ратуше, увидев фирменный бланк *Siemens* с подписью директора филиала и печатью, не стал заниматься бюрократической тянучкой. Взял папку Мюллеров и поставил на нее жирный красный штамп: «Срочно. Первая категория». Это означало, что первая же освободившаяся или только что построенная муниципальная квартира в городе будет предложена им, минуя стандартную двухлетнюю очередь. Чиновник пообещал: «Ждите ордер в течение двух-трех месяцев, господин Мюллер. Корпоративные квоты *Siemens* у нас на особом контроле».

Они так спешили успеть в ратушу, что Павел только выйдя из этого учреждения, спросил у Ирочки, как прошло её устройство на работу.

3

У Ирочки устройство проходило не так гладко, как у Павла. Дело в том, что дипломы медицинских работников из ГДР не признавались автоматически в Западной Германии из-за разницы в учебных планах. Профессии «фельдшер» в ФРГ не существовало. Там были медицинские сестры. По закону её диплом приравнивался к диплому медсестры, но обязывал пройти стажировку. Краткую, но все же. Имея официальное направление от Биржи труда, Ирэн пришла в отдел кадров больницы. Дефицит медицинского персонала был огромным. Она это знала и рассчитывала, что куда-то они не денутся, примут с неплохой зарплатой.

Больничный комплекс в Бад-Каннштатт из красного кирпича выглядел внушительно. В кабинете отдела кадров её встретила пожилая женщина в безупречно накрахмаленном белом чепце. Это была старшая сестра фрау Марта.

— Ваша программа в ГДР, конечно, сильна в плане практики, фрау Мюллер, — надменно произнесла она, — но у нас здесь другие стандарты. Латынь, рецептура, уход за пациентами по западным методикам. Мы зачислим вас по тарифной сетке гражданской службы. Ваш оклад — 650 немецких марок. С вычетом налогов останется около 500. Для начала не так уж и плохо для беженки.

Ирэн не понравилась ни её надменность, ни отношение. Вообще ей уже не очень нравилась эта шпионская деятельность. Она начинала уставать от неё. Что они с Павлом потеряли? Отличную квартиру в Москве, учебу в одном из лучших вузов страны. Приличную высокооплачиваемую работу за границей после окончания МГИМО. Что получили вместо этого? Конуру в общежитии, нищенскую зарплату на чужбине и непонятное будущее. В ГДР она была хотя бы самостоятельным специалистом, а здесь на неё смотрели как на недоучку. Но назад отступить было поздно. Она кивнула и подписала контракт. Тут же получила казённую форму: синее платье, белый передник и чепец. Работа начиналась завтра в шесть утра.

Со всем этим она вернулась в общежитие и стала ждать своего Пашу. Слава богу, у него получилось нормально, а после спешного похода в ратушу появилась надежда, что через два – три месяца переедут в нормальное жильё.

Следующее утро ослепило ярким солнцем и жизнь показалась Ирэн не такой мрачной. Стажировку она, конечно, пройдет. Экзамены, если их можно назвать экзаменами, сдаст успешно. Она, врач с огромным стажем и опытом, квалифицированнее всех этих чванливых местных швабских медсестер. Она шла на работу и хвалила себя, что не оставила там, в ГДР симпатичное легкое и теплое пальто.

В 05:45 Ирэн стояла у дверей хирургического отделения больницы Бад-Каннштатт. Накрахмаленный белый передник и чепец были непривычной, неудобной, но здесь обязательной одеждой.

Первая половина смены прошла в бешеном темпе. Ирэн разносила утренние лекарства, ставила капельницы и помогала лежащим больным. В ГДР её учили жесткой дисциплине и максимальной самостоятельности, поэтому работу выполняла безупречно и быстро. Однако к полудню разразился скандал, которого она совсем не ожидала.

Принимая нового пациента с приступом стенокардии, Ирэн по привычке заполнила карту, измерила давление и самостоятельно подготовила ампулу с кардиотоническим средством, как делала это сотни раз в Берлине. В этот момент в палату вошел дежурный врач — доктор Вебер, молодой и такой же надменный, как все здесь, мужчина в отутюженном халате.

— Что вы делаете, сестра? — его голос прозвучал ледяным тоном на всю палату.

— Готовлю препарат, господин доктор. Симптомы указывают на острую сердечную недостаточность... — спокойно ответила Ирэн.

— Прекратите это немедленно! — оборвал Вебер, вырвав шприц из рук. — Вы в Федеративной Республике, фрау Мюллер, а не в своем социалистическом бараке. Здесь медсестра не имеет права ставить диагнозы и подбирать дозировку. Вы — исполнитель. Ваше дело — мыть судна, переворачивать больных и строго следовать моим записям. Ваша восточная так называемая «самостоятельность» здесь граничит с должностным преступлением!

Ирэн замерла, чувствуя, как краска заливает лицо. На неё, кривясь в улыбочках, обращались другие медсестры, шушукаясь за спиной. Она услышала: «Zonis», что означало презрительное — выходец из советской зоны. Эти снобы давали понять: её опыт и знания здесь никого не интересуют, пока она не докажет свою лояльность западной системе.

Ирочка стерпела. Извинилась.

Чтобы временное разрешение на работу превратилось в постоянную лицензию, Ирэн в течение трех месяцев была обязана сдать квалификационный экзамен. Она изучила требования и сдала экзамены и по медицинской латыни, и по западной фармацевтической номенклатуре через десять дней. Благо в первой жизни в мединституте в СССР латыни учили основательно.

И все же после изнурительной 12-часовой смены она обкладывалась словарями и учебниками, зубрила международные названия препаратов, правила выписывания рецептов в ФРГ. Повторяла и латынь, особо обращая внимание на сложные латинские склонения.

Её настойчивость сдать экзамен досрочно была скептически воспринята в клинике, но принята. Экзамен происходил в здании Медицинской палаты Баден-Вюртемберга. Профессор в золотых очках долго гонял Ирэн по рецептуре сердечных гликозидов. Когда она без единой запинки по памяти расписала дозировку и противопоказания на чистой латыни, профессор удивленно приподнял бровь, улыбнулся и произнес:

— Что ж, фрау Мюллер... Вынужден признать, ваша подготовка не уступает нашим выпускникам. Поздравляю.

Спустя неделю Ирэн получила по почте плотный конверт. Внутри лежало официальное свидетельство о признании её квалификации на всей территории ФРГ. Это была её первая победа здесь.

Ирэн в городской ратуше сделала официально заверенную копию свидетельства и перед началом смены пришла в кабинет делопроизводителя по кадрам. Предъявила оригинал и отдала заверенную копию. Оригинал надо было бережно хранить всю жизнь.

Кадровик вручную внес изменения в личное дело Ирэн Мюллер. На основании свидетельства аннулировал её временный контракт и составил новый, постоянный трудовой договор гражданской службы. Ей был присвоен статус официально признанной медсестры. Копию договора и служебную записку из отдела кадров попросил передать в бухгалтерию. Начальник отдела кадров знал, кто там работает и не хотел тратить свои нервы на разговоры с ним. Потому послал к нему Ирэн.

Поход в бухгалтерию стал еще одним испытанием, приключением и познанием здешней жизни.

Бухгалтерия больницы Бад-Каннштатт располагалась в полуподвальном помещении старого административного корпуса. Там круглый год воняло мастикой для паркета, старыми папками вперемежку с запахом крепкого кофе. Заведующим расчетным отделом трудился господин Эрхард Кляйн — мужчина предпенсионного возраста, в серых нарукавниках поверх рукавов пиджака. Он, как говорили, был фанатично предан немецким служебным инструкциям. Эдакий немецкий человек в футляре. Его мир состоял из цифр и параграфов тарифных сеток. Там был строгий порядок. ПЕДАНТИЗМ, именно педантизм со всех больших букв в этом слове, освещал его жизнь.

Когда Ирэн переступила порог кабинета, господин Кляйн даже не поднял головы от огромной амбарной книги, где он вручную выводил ведомости.

— Добрый день, господин Кляйн. Я принесла документы из отдела кадров, — тихо произнесла Ирэн, протягивая ему новенькое распоряжение об изменении её статуса и копию свидетельства об Approbation.

Бухгалтер аккуратно положил перьевую ручку на специальную подставку, поправил толстые роговые очки и взял бумаги. Его пальцы привычным движением проверили текстуру гербовой бумаги Медицинской палаты Баден-Вюртемберга. Он внимательно вчитался в текст, шевеля губами на латинских терминах, а затем наткнулся на фамилию Ирэн Мюллер, Берлин.

На лице появилось выражение глубокого, почти профессионального неодобрения. Господин Кляйн был истинным швабом и бюрократом старой закалки. Для него приезд тысяч беженцев с Востока в середине 60-х был не актом гуманизма, а сплошной головной болью, ломающей устоявшуюся финансовую систему.

— Мюллер... — недовольно выдавил из себя он, выдвигая тяжелый ящик стола с личными карточками сотрудников. — Опять вы, «восточники», путаете мне все расчетные таблицы. Вы хоть понимаете, фрау Мюллер, сколько из-за вас бумажной работы?

Он достал её старую карточку, перечеркнул красным карандашом код временной ставки «650 DM» и размашисто написал новый тариф: «780 DM».

— По закону о беженцах, — занудным голосом продолжил Кляйн, не глядя на Ирэн, — вам полагается налоговая льгота по параграфу 10 BVFG. Это значит, что я должен пересчитать

ваш подоходный налог задним числом с момента подачи заявления. Плюс доплаты за три ночные смены в прошлом месяце, которые висели на вас как на стажере. Моя секретарша будет возиться с этим до субботы! Вы, люди из Зоны, думаете, что на Западе деньги растут на деревьях, и их можно просто так переписывать.

Ирэн молча стояла перед его столом. Про себя она весело смотрела на этого скрягу и улыбалась, радуясь своим успехам. Она знала, что за этим показным ворчанием старого бухгалтера скрывается не злость, а обычная швабская бережливость и легкое недоверие к чужакам.

Господин Кляйн тем временем аккуратно подколол копию её свидетельства к личному делу, с шумом закрыл ящик и, наконец, посмотрел на неё поверх очков. Его взгляд неожиданно потеплел:

— Но должен признать, фрау Мюллер... Сдать латынь нашему штутгартскому совету с первой попытки — это надо иметь железные нервы и отличные знания. Вдобавок до меня дошли слухи, что вам на подготовку понадобилась всего неделя. Наша местная молодежь после университета по три раза пересдает. Уверен, что за этим скрывается большое трудолюбие и отличные знания. Так что, — он вдруг улыбнулся, — ладно. Со следующего первого числа получите свои семьсот восемьдесят марок брутто. На руки, с учетом ваших льгот беженца, выйдет около шестисот двадцати. Распишитесь вот здесь в получении извещения. И больше не болейте на дежурствах — больничные листы я пересчитывать ненавижу.

Ирэн аккуратно вывела свою подпись в ведомости. Выходя из душного подвала бухгалтерии на залитый солнцем больничный двор, она чувствовала, как внутри нее разливается тепло. Бюрократическая машина Западной Германии, олицетворяемая суровым господином Кляйном, только что официально признала её своей.

Утром, в день выхода приказа, Ирэн вошла в ординаторскую и молча положила на стол заверенную копию своего свидетельства. Доктор Вебер, как обычно, пил кофе, просматривая истории болезней. Он бросил взгляд на документ с гербовой печатью Баден-Вюртемберга, лицо выразило удивление, а чашка звякнула о блюде громче обычного.

— Поздравляю, фрау Мюллер, — выдавил он, не поднимая глаз. — Теперь вы полноценный член нашей команды.

Его тон оставался прохладным, но отношение к Ирине изменилось. Теперь он ни разу не позволил себе кричать на Ирэн или называть её навыки «социалистическими». Видя её колоссальный опыт в реанимационных действиях, Вебер стал негласно перепоручать ей подготовку сложных пациентов к операциям. Коллеги-медсестры, еще вчера шептавшиеся за спиной, стали первыми подходить к ней на пост, чтобы спросить совета по уходу за тяжелыми больными. Из «беженки с Востока» она превратилась в незаменимого специалиста отделения.

Кроме повышения зарплаты, ей стали доплачивать за ночные дежурства и работу по выходным, что приносило дополнительные 50–70 марок. На руки она теперь получала почти 620 марок - это были хорошие деньги.

После вычета всех налогов и пенсионных взносов у них в семье оставалось около 1700 марок. Это было очень прилично.

4

Вживаться, вживаться и еще раз вживаться! Стать теми, за кого себя выдают. Это стало теперь основной задачей Ирины и Павла. Они легализовались вначале в ГДР, затем совершили побег в ФРГ. Теперь становились частью западногерманского общества. Маленькой частицей свободного мира, как бы смешно это ни звучало. При всем огромном опыте и знаниях, что произойдет с Советским Союзом, для них различия между СССР, ГДР и ФРГ складывались не в пользу устройства жизни и в родной стране, и в ГДР. Многие можно было объяснить огромными потерями в войне, прочими сложностями, но, как, ни крути, основные проблемы были в устройстве и системе управления. Та дурь, которую совершал малообразованный первый сек-

ретарь ЦК КПСС Никита Хрущев, а никто не смел и не мог возразить и помешать, говорила о многом. Но путь к крушению империи был долгим и в середине шестидесятых маячил далеко-далеко даже не на горизонте, а за ним. Да и не волновал их сейчас этот крах. Они его пережили в первой жизни. В этой, зная, что произойдет, планировали обеспечить и себе, и родителям спокойную и безбедную старость и комфорт. В общем-то, потому здесь и были. Да, они хотели предотвратить гибель страны, или хотя бы отсрочить её. Но как, — пока соображений не было.

Что должны были делать немецкие бюргеры, с трудом перебравшись из ГДР в ФРГ, устроившись на работу, получив жилье?

Конечно, гулять по городу. Наслаждаться свободой, устраивать шопинг и закупать все, чего не могли купить в своей ГДР. Так они и поступали. Более того, начали говорить со швабским акцентом. Перестали, вернее, старались перестать употреблять берлинский говор. В общем, мимикрировали. И это получалось.

В очередное воскресенье отправились на прогулку. Ноябрьское солнце золотило кроны деревьев в Дворцовом парке Штутгарта. Они шли рука об руку, вдыхая слегка холодящий осенний воздух, смешанный с ароматом жареных каштанов и выхлопом «Фольксвагенов».

Всего несколько месяцев назад сумели перебраться сюда, а сегодня уже неплохо устроились в столице Баден-Вюртемберга. Пауль, квалифицированный техник-связист, получил место в штутгартском филиале электротехнического гиганта Siemens. Его опыт работы с АТС оказался на вес золота. Ирэн, дипломированная медсестра, устроилась в престижную городскую клинику и уже сумела завоевать авторитет. Их общий месячный доход составляет фантастическую для восточных берлинцев сумму — 1700 западногерманских марок. Это была настоящая путевка в жизнь, пахнущая глянцем, свободой и стабильностью.

Первым делом они отправились на Кёнигштрассе. Главная торговая улица Штутгарта бурлила жизнью. Витрины универмага слепили глаза обилием товаров, о существовании которых на Востоке они даже не догадывались.

Ирэн завороченно остановилась у манекена в элегантном шерстяном пальто брусничного цвета и модных туфлях-лодочках. После строгой белой формы и тяжелых дежурств в клинике ей хотелось почувствовать себя изящной женщиной.

— Пауль, посмотри, какое чудо, — прошептала она, стесняясь по советской привычке громко заявлять о своих желаниях.

— Мы берем его, — уверенно улыбнулся Пауль. Требование себе высчитывать каждую марку начала таять под лучами западного благополучия. Siemens платил вовремя, и Пауль знал, что его инженерные навыки связиста обеспечат им надежное будущее.

Внутри универмага царил изобилие. Ирэн, помимо пальто, выбрала французские духи и ультрамодную помаду. Оплачивая покупки хрустящими купюрами, Пауль поймал себя на мысли, что у них еще остается более чем достаточно на аренду светлой двухкомнатной квартиры где-нибудь в районе Штутгарт-Вест, еду и даже на покупку подержанного автомобиля в ближайшем будущем. Но мысль об аренде он отбросил. Они с Ириной решили оставаться в зачуханном общежитии, потерпеть два-три месяца и получить нормальную муниципальную квартиру, скорее всего в новостройке. Опасались, что если съедут на арендованную, то, возможно, последует сдвиг их первой очереди на получение такого жилья. Сочтут, что и в арендованной квартире они улучшили жилищные условия.

С приятно шуршащими пакетами вышли к Дворцовой площади. Величественный Новый дворец, аккуратные газоны, бьющие фонтаны — все это дышало историей и покоем. Присели на скамейку, наблюдая за прохожими. Женщины в ярких одеждах, мужчины в модных шляпах, веселые студенты проходили перед ними. Иногда встречались сослуживцы. Взаимно улыбались, Пауль уважительно привставал, раскланивался со старшими. Ирина мило улыбалась своим коллегам. Все видели их и уже начинали принимать, как своих, как равных.

Ближе к вечеру, когда город начал погружаться в сумерки, а на витринах зажглась неоновая реклама, Пауль и Ирэн решили подняться к знаменитой Штутгартской телебашне — гордости местной архитектуры. Пауль с профессиональным интересом связиста разглядывал мощные антенные конструкции на вершине этой первой в мире бетонной телебашни. С ее смотровой площадки город, зажатый в низине между холмами, открылся как на ладони. Тысячи огней загорались внизу, отражаясь в водах Неккара. Холмы, покрытые виноградниками, уходили в темноту.

Они зашли в уютный ресторанчик неподалеку. Сделали заказ. Официант принес традиционные швабские пельмени - маульташены и бутылку местного троллингера.

Пауль поднял бокал, посмотрел в глаза Ирочки и тихо сказал:

— А неплохо у нас пока получается, любимая. За новую жизнь. Надеюсь, что месяца через два переедем в муниципальную квартиру. На фирме говорят, что в доме, который построили для нас, заканчивают внутреннюю отделку.

Светло-красное почти прозрачное вино было легким и приятным на вкус. Фруктовый аромат с нотками вишни, смородины и легким миндальным оттенком понравился. Они решили заказывать, как правило, его. Вдобавок, именно оно было главным швабским вином: Пауль сказал, что на работе швабы шутили, что Троллингера для них как «жидкий хлеб» и национальный напиток, который пьют вместо воды. Сказал, что коллеги советовали попробовать. Объяснил, что обычно его пьют из швабских бокалов из зеленого стекла с ручкой и, что в отличие от тяжелых красных вин, Троллингера принято подавать слегка охлажденным.

Перекусив и отдохнув, они отправились в свою конуру.

5

Зимний туман над Неккаром еще не рассеялся, когда Пауль припарковал у обочины одолженный на работе маленький грузовой «Фольксваген». Штутгарт образца 1966 года рос стремительно: город оправлялся от военных ран, строился и требовал рабочих рук. На окраине района Цуффенхаузен, среди недавних пустырей, выстроились в ряд четырехэтажные дома — светлые, пахнущие свежей штукатуркой и бетоном.

Для Пауля и Ирэн этот день был давно ожидаем. Из Восточного Берлина они бежали, бросив всё. Потом были месяцы в лагере для переселенцев в Мариенфельде, получение паспортов ФРГ. Переехали на юг и терпеливо жили в тесной комнатенке в общежитии. Компания Siemens расширяла телефонные сети по всему Баден-Вюртембергу. Толковые связисты были на вес золота и ему, как ценному сотруднику, выделили заветный жилищный ордер от города. Муниципальная квартира в новостройке по первоочередной линии — о таком миллионы семей в Западной Германии могли только мечтать.

— Девятый номер, третий этаж, — тихо сказала Ирэн. Она только что вернулась с ночной смены в городской клинике, но усталости не чувствовала. Глаза её сияли.

Они поднялись по чистой, выложенной серой плиткой лестнице. Пауль повернул ключ, толкнул тяжелую дверь, и вошли. Две комнаты, просторная кухня, совмещенный санузел с сияющей белизной ванной и балкон. После общей кухни в общежитии, где вечно воняло очистками, полусгнившим мясом, кислым капустным супом. Здесь царил запах свежести новой жизни. Конечно, до шикарной квартиры Ивана Пантелеймоновича в центре Москвы, этому сооружению современных архитекторов было далеко, но с общаговской комнатенкой не сравнить.

Переезд занял пару часов. Они намеренно ничего не покупали, чтобы не захламлять ненужными вещами комнату. Подкапливали деньги, чтобы после переезда обзавестись всем новым. Багаж из общежития состоял из нескольких чемоданов с одеждой и пары коробок с посудой. Приятные хлопоты начались во второй половине дня, когда к дому подъехала грузовая машина из мебельного магазина. Расцвет «немецкого экономического чуда» позволял

молодой работающей паре не просто обустроить быт, а выбирать лучшее. Не зря Пауль и Ирэн копили каждый пфенниг - теперь пришло время тратить.

В гостиную рабочие занесли ультрамодный гарнитур: диван, обитый плотной серой тканью, пару кресел на тонких деревянных ножках и журнальный столик из шпонированного ореха. Пауль лично распаковал главную гордость дома — радиолу Grundig в полированном деревянном корпусе. Она ему была не очень-то нужна, но, поняв психологию здешних семей их возраста, её надо было купить. Иначе у соседей могли появиться сомнения — те ли это люди, за которых себя выдают.

На кухне Ирэн руководила процессом. Почти все деньги, заработанные за последние месяцы, ушли на покупку бытовой техники, о которой в ГДР они не могли и помыслить. Белоснежный холодильник Bosch занял свое место в углу, тихо и уверенно заурчав. Рядом встала новенькая плита.

К вечеру, когда рабочие уехали, Пауль достал инструменты, которые предусмотрительно приобрел и аккуратно повесил на окна кухни занавески, купленные Ириной на распродаже в центре города. На пол в спальне лег пушистый ковер, а на широкой кровати красовалось новое стеганое одеяло.

Когда за окнами сгустились сумерки, а в Штутгарте зажглись первые уличные фонари, Ирэн приготовила первый ужин в новом доме. Настоящий кофе, купленный по такому случаю, исходил ароматным паром. На тарелке лежали свежие швабские брецели и ветчина. Пауль настроил радиолу: из динамиков тихо полился мягкий джаз.

Они сидели за столом у окна, глядя на силуэты соседних новостроек. Павлу вспомнился его первый переезд с родителями из коммуналки в новую квартиру, полученную отцом, тогда начальником цеха. Вспомнил, как в магазинах не было мебели, и он придумал и сделал отличный книжный шкаф, который и теперь стоит в той квартире. Теперь там живут бабушка и дедушка. Живут и ничего про их с Ириной нынешнюю жизнь не знают. Ничего не знают и родители. И его, и Иринины. Для них они в длительной командировке. Впервые после всех пересечений границ, фильтрационных лагерей, временных переселенческих общежитий они чувствовали себя дома. Пауль обнял Ирочку. Поцеловал:

— Ну вот, любимая, кажется, начинает все это походить на жизнь.

Ирина прижалась к нему, вздохнула, прошептала:

— А дома, Пашечка, куда лучше.

В ответ Павел вздохнул. Они и здесь опасались говорить по-русски. Как знать, а вдруг и здесь прослушка. Потому были всегда настороже.

— Будем обживаться, — тихо ответил Павел. — Впереди рабочая неделя. Пора спать. Но теперь у нас, милая, свой адрес, свой ключ и своя, практически своя, квартира.

— И свои новые соседи, — прошептала Ирина. — Надо налаживать контакты.

Павел кивнул:

— Наладим. Но сначала надо разузнать, как это здесь делается.

Швабское гостеприимство, как оказалось, штука сложная, и Пауль с Ирэн поняли это в следующую же субботу. Жизнь в новом штутгартском доме подчинялась неписаным, но железным законам, главным из которых была Кервохе — обязанность по очереди убирать подъезд и улицу перед домом.

Утром в субботу Пауль обнаружил, что на ручке их двери висит деревянная дощечка с надписью «Kehrwoche». Буквально через пять минут в дверь постучали. На пороге стояла фрау Майер со второго этажа — коренная жительница Штутгарта, чья прическа выглядела так, будто перенесла шторм, но устояла.

— Приветствую в нашем доме, — строго, но вежливо начала она на густом швабском диалекте, который Пауль, хотя и занимался усиленно освоением его, понял лишь наполовину.

— На этой неделе ваша очередь. Мыть нужно от вашей двери до лестничного пролета ниже. Воду менять дважды. Подоконники тоже протираем.

Ирэн, вышедшая на стук, приветливо улыбнулась и заверила, что всё будет сделано в лучшем виде. Будучи операционной медсестрой, она знала о стерильности всё. Когда фрау Майер через пару часов вышла «проверить пост», она не нашла ни единой пылинки. Это был первый и самый важный шаг к признанию: они, как соседи, оказались чистоплотными и правильными людьми.

Поначалу другие соседи относились к паре с вежливой дистанцией. Они непонятно откуда узнали, что Пауль и Ирэн беженцы из ГДР, или как их здесь ворча называли «зонис». В сытой ФРГ к таким относились двояко. С одной стороны — сочувствовали жертвам режима, с другой — швабы не любили чужаков и громкий, резкий берлинский выговор. Потому и Пауль, и Ирэн усиленно штудировали и осваивали швабский диалект.

Сосед напротив, герр Вебер, пожилой мастер с автомобильного завода Porsche, долгое время лишь сухо кивал Паулю при встрече. Изменение произошло благодаря технике.

В одно из воскресений герр Вебер возился во дворе со своим новеньким «Фольксвагеном Жуком». Пауль, возвращавшийся из магазина, остановился, и они слово за слово разговорились о моторах. Оказалось, что Вебер безуспешно пытается настроить карбюратор. Павел, прошедший усиленную подготовку в конторе, в том числе и по этой части, деликатно дал пару советов.

Вечером того же дня герр Вебер постучал к ним в квартиру, держа в руках бутылку уже полюбившегося им троллингера

— Услышал у вас через стену звук новой радиолы Grundig, — хмыкнул он, — хороший выбор. Не чета восточным коробкам.

Пауль пригласил соседа войти. Мужчины быстро нашли общий язык, обсуждая немецкое качество, транзисторы и работу на крупных предприятиях Штутгарта. Вебер с удивлением узнал, что Пауль работает техником связи, и его уважение к «беженцу» мгновенно выросло. В Штутгарте ценили профессионалов.

Они почти подружились.

Ирэн нашла путь к сердцу соседок через работу. Когда у маленького внука той самой строгой фрау Майер посреди ночи поднялась высокая температура, перепуганная женщина прибежала к Ирэн — все в доме уже знали, что в девятой квартире живет медсестра из городской клиники. Ирэн спокойно и профессионально сделала компресс, уколола жаропонижающее и сидела с ребенком, пока не приехала скорая.

На следующий день фрау Майер принесла Ирэн огромный пирог с луком и кастрюльку настоящих домашних швабских крупных пельменей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.